

Се Сун, прихлебывая кашу, отозвался:

— В городе или за городом?

— И там, и там есть варианты, — ответила Цинь Шуан. — Но где именно поселиться, всё же зависит от воли молодого господина. Загородная усадьба изначально строилась старушкой для покойного супруга. Молодой господин, пожалев бабушку, скорее всего, выберет городской дом.

Се Сун кивнул. Историю о том, как тот почтенный дед по школе в гневе встал за прекрасную даму, он тоже слышал. Но пересказывали её лишь втихомолку, между учениками, а перед наставниками и заикаться не смели. Тот случай был общеизвестным секретом в Школе Небесного Меча.

Цинь Шуан посидела ещё немного, перебросилась с Се Суном парой фраз, как вдруг прибежала служанка: хозяин проснулся и зовёт её.

— Маленький наш повелитель, только глазки открыл — уже покоя не даёт, — хоть и ворчала она, но на лице играла улыбка.

Се Сун заметил, что сегодня она в духе, однако расспрашивать не стал, сосредоточенно доедая свою кашу.

Лу Чэньби, прислонившись к стойке кровати, был ещё не до конца проснувшимся, в голове — лёгкая муть.

Когда Цинь Шуан вошла, Тень Три уже сидел в кресле. Увидев её, он кивнул:

— Сестра Шуан.

— Только что очнулся? — спросила та.

Тень Три усмехнулся:

— Я только вошёл — хозяин и открыл глаза.

Лу Чэньби, не размыкая век, произнёс:

— С утра пораньше явились... Дела какие?

— В Усадьбе Золотого Изящества пожар случился, снаружи шумят, тушат, — ответила Цинь Шуан, подходя и поправляя одеяло, а затем подложив подушку ему под спину.

Лу Чэньби приоткрыл веки, лениво спросил:

— Пожар — дело не столь уж важное. А у тебя, Тень Три, что за новости?

— Письмо, которое вы поручили доставить правому министру, передано. Господин министр велел сказать, что никакого иного смысла в нём нет, только прямой. Просил вас не беспокоиться. Кое-что ему и самому неведомо, советовал проявлять внимание в повседневности, но если что обнаружится — обязательно сообщит.

Тень Три сделал паузу, затем добавил:

— Однако, когда я сюда шёл, слышал, как слуги в усадьбе говорят: в том пожаре кто-то погиб.

Новая жена патриарха Тао.

— Погибла? — Лу Чэньби широко раскрыл глаза. — Уверен?

Тень Три подтвердил.

— Как же так, в одночасье... — Лу Чэньби нахмурился и замолчал.

— Что такое? — спросила Цинь Шуан.

— Ничего, — он очнулся и обратился к Тень Три:

— Сейчас у тебя есть дела?

— Нет. Новых поручений от хозяина не поступало, — ответил Тень Три.

Лу Чэньби бессознательно провёл пальцами по узору на одеяле, раздумывая:

— Се Суна видел?

— Видел.

— Видел — и хорошо. Сходи, потренируйся с ним, если сможешь — укажи на ошибки. В ближайшее время будь при нём, присматривай за всем подозрительным.

Лу Чэньби добавил:

— Смотри, чтобы не заметил.

Тень Три, получив приказ, уже собрался уходить, но Лу Чэньби снова окликнул его.

— Впрочем... пусть заметит. Скажешь, что я велел присматривать. Если он и вправду замышляет что-то против семьи Лу... нет, вряд ли, — он покачал головой. — Если вляпается в неприятности, от которых не отцепиться, — помоги, чем сможешь.

Когда Тень Три удалился, Цинь Шуан вымолвила:

— Ты что задумал...

— Этот простак Се Сун — куда уж ему навлечь серьёзные беды. Разве что дела его школы, но эта проблема уже давно висит над ним, нам-то опасаться нечего.

Лу Чэньби потер виски.

— Не волнуйся. Бабушка, помня о деде, тоже будет оберегать Се Суна. На мои действия она не станет возражать.

Цинь Шуан собрала его волосы и уложила:

— Раз ты уверен — хорошо.

— Поживём — увидим, — Лу Чэньби закрыл глаза.

Позже в усадьбу вновь нагрянули люди из правительственных ведомств — на этот раз по личному приглашению Тао Фэйгуана, чтобы забрать тело мачехи. Говорили, Тао Тин лишь

вчера немного оправился, а услышав эту весть, снова харкнул кровью.

В усадьбе впопыхах позвали лекаря, и Усадьба Золотого Изящества в мгновение ока стала похожа на переполненный муравейник. Мастера боевых искусств, видя спящих повсюду стражников, чувствовали себя не в своей тарелке. Чиновники же, и без того косо смотревшие на этих беспокойных «речников», и вовсе не стеснялись в выражениях.

Обе стороны смотрели друг на друга с неприязнью, и не успело пройти утро, как вспыхнуло не одна перепалка. Тао Фэйгуан и Фэн Чжэнъян метались, пытаясь утихомирить страсти, к ним присоединился даже Почтенный Линъюнь, покинувший свой двор.

Лишь в обители Усадьбы Мечного Сияния царила тишина. Кроме наведывавшихся сюда для допросов стражников, больше никто не беспокоил.

Лу Чэньби наслаждался покоем, да ещё и перекинулся парой слов с явившимися стражами, благодаря чему и узнал причину утренней кутерьмы в Усадьбе Золотого Изящества.

Из-за пожара, начавшегося тогда в кабинете, пострадала и примыкавшая к нему часть главных покоев. Патриарх Тао перебрался к Тао Фэйгуану, а госпожа Тао накануне ночевала в боковом дворе.

На рассвете и вспыхнул огонь. Стража, дежурившая снаружи, уснула, и лишь почуяв дым, очнулась и подняла тревогу.

Но пламя уже вовсю бушевало, госпожа Тао так и не смогла выбраться — сгорела заживо.

Впрочем, Второй молодой господин Тао, рождённый той женой, спал в ту ночь не с матерью, а со старшим братом, иначе бы разделил её участь.

Дело об убийстве троих учеников и ранении Тао Тина ещё не раскрыто, как вот уже новая напасть. Да ещё и эти стражники, слоняющиеся повсюду по усадьбе. Поселившиеся здесь мастера боевых искусств наотрез отказывались оставаться дальше. Да и Собрание боевых искусств всё откладывалось и откладывалось, и конца этому не было видно.

Спереди, как передавала Цинь Шуан, шум стоял невероятный, дело даже дошло до потасовки. Лу Чэньби, услышав это, лишь усмехнулся, отбросил книгу и сказал:

— Как только усадьба будет готова — переезжаем. Место, где то и дело умирают, — дурную ауру навлекает. Перед отъездом зайду к Тао Фэйгуану попрощаться.

Тао Фэйгуан в это время ухаживал за отцом, который с трудом мог сидеть.

После пожара дым опалил горло Тао Тина, и говорить тот, видимо, не сможет ещё долго. Тело тоже было покрыто ожогами. А тут ещё весть о смерти любимой жены — потрясение было столь велико, что он за считанные часы словно постарел на годы.

Тао Фэйгуан поставил лекарство на низкий столик и тихо промолвил:

— Отец, здоровье важнее.

Тао Тин будто не слышал, уставившись в пустоту. Тао Фэйгуан вздохнул, взял чашку с отваром, зачерпнул ложкой и поднёс к губам отца.

Едва ложка коснулась губ, как рука Тао Тина вцепилась в руку сына.

Он пристально, не отрываясь, смотрел в лицо Тао Фэйгуана, а тот, изумлённый, спросил:

— Отец, что с вами?

Попытался высвободиться — не вышло.

— Я же Фэйгуан, отец! — воскликнул он.

Тао Тин молча смотрел на него ещё мгновение, затем разжал пальцы и откинулся на подушки. Схватив кисть, он набросал на бумаге несколько иероглифов.

Тао Фэйгуан наклонился и прочёл: «Только что принял тебя за другого. Прости».

— Отец, наверное, залёгся в комнате. Давайте, я помогу вам пройтись, — предложил Тао Фэйгуан.

Тао Тин покачал головой и снова взялся за кисть. Он велел сыну как следует заняться похоронами госпожи Тао, ни в чём не допуская небрежности. Прочие же дела в Школе Беззаботных поручал старшим ученикам.

Тао Фэйгуан покорно кивнул на каждое слово и уже собрался продолжить кормить отца, но тот остановил его. Тао Тин написал, что выпьет лекарство позже сам, и велел привести Второго молодого господина.

— Брат может помешать вашему отдыху, — попытался было возразить Тао Фэйгуан.

Но Тао Тин проявил настойчивость, написав, что между отцом и сыном не может быть лишних церемоний.

Тао Фэйгуан, видя его решимость, мог лишь согласиться и вышел, чтобы привести брата.

После полудня Тень Три и Се Сун провели несколько спаррингов, а затем вместе отправились сопровождать Лу Чэньби для прощального визита. Цинь Шуан же пошла к старушке, дабы узнать: та пожелает уехать с ними или останется у госпожи Мэй ещё на несколько дней.

Когда Лу Чэньби подошёл ко входу во двор Тао Фэйгуана, ему сообщили, что старший молодой господин отлучился по делам, а внутри находится лишь патриарх. Лу Чэньби, нахмурившись, сказал, что вернётся позже.

Но в этот момент из глубины двора донёсся пронзительный детский плач, а вслед за ним — грохот, словно от падения мебели.

<http://bllate.org/book/15939/1424859>